

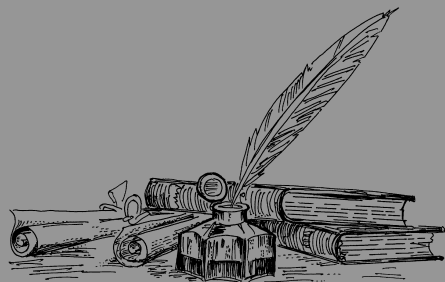
наследие

Юрий
Белостоцкий

1921–1983

154

КОРОТКАЯ СПИЧКА

рассказ

Ю. Белостоцкий у своей «пешки»

Короткая спичка досталась Рапохину.

Рапохин подавил вздох, молча надел пилотку и, провожаемый насмешливо-сочувственными взглядами, направился к выходу.

— Поосторожнее там, — для очистки совести крикнул ему вдогонку штурман Серебряков. — Штаб всё-таки.

— Ладно, — вяло пообещал Рапохин.

Захлопнув за собой дверь, он зябко повёл плечами, нерешительно переступил с ноги на ногу.

Дождь кончился. Отшумел своё ветер. На низком северном небе, уже наполовину очистившемся от облаков, звёзды вышили первые узоры. Ярче других, почти над головой, цедя на землю тонкие, холодные струи света, висел ковш Большой Медведицы. Под ним, тесня кучёвку, ширя за её счет круг — чтоб было где разгуляться! — водили хороводы звёзды помельче, ещё ниже — вовсе мелюзга.

Швырнув в лужу обжёгший губы окурок, Рапохин запахнул комбинезон, привычным движением оправил ремень с пистолетом и неслышно зашагал к штабу.

Эскадрилья, в которой он служил, только сегодня перелетела на новый аэродром — за три с половиной месяца войны четвёртый по счёту. Землянку ей отвели возле штаба дивизии, обосновавшегося в трёх бревенчатых домах за неделю до этого. Землянка оказалась сырой и холодной, с неплотно закрывающейся дверью. Но хуже всего

— не было дров, чтобы истопить печь. Правда, Серебряков сбегал за охапкой еловых веток, но, вымокшие под дождём, они, сколько он ни пыжился, ни дул на них, не загорались. Плеснуть же керосину пожалел: в лампе, что свисала с потолка пока незажжённой, его и так было на доньшке. Отчитав ни за что ни про что усердно помогавшего ему молодого лётчика Власова, Серебряков отошёл от печки, раздражённо глянул в окно — и тут взгляд его посветлел. Сквозь мутное, в дождевых подтёках стекло он разглядел возле штаба дивизии соблазнительно высившиеся пирамиды дров.

Это всё и решило.

Из трубы ближайшего дома валил густой белый, точно разбавленный молоком, дым — дров там, видать, не жалели. Дым путался в верхушках высоких сосен, что надёжно маскировали штаб с воздуха, и повисал там, как вата. Окна в доме изнутри были завешены. Поленица стояла справа от него, почти у самого, в три приступка, крыльца с небольшими перильцами. Подойдя к ней, Рапохин заколебался — вдруг кто выйдет? Но вспомнив, что в нетопленной землянке его ждут продрогшие друзья, а от охапки дров штаб дивизии не обеднеет, привстал на цыпочки — иначе не дотянешься, высоко — и ухватил сразу три полена. Серебряков как в воду глядел: дрова и точно оказались сухими, мелко наколотыми. Рапохин потянулся в другой раз, но в тот же момент услышал позади себя звонкий, нетерпеливый голос:

– Подождите, Прокопий Иванович, я помогу...

Голос был, несомненно, женский. И верно, когда Рапохин обернулся, он увидел молодую – почти подростка – девушку в кожаном, без ремня, реглане и берете. Как ни щекотливо было его положение, он всё же успел разглядеть, что она была невысокого, скорее даже маленького роста, с худощавым, нездешнего загара, лицом и тёмными, верно, завитыми природой, волосами, явно не хотевшими мириться с тесным для них беретом. И ещё – у неё были удивительно яркие, чуточку миндалевидные голубые глаза и вовсе не капризный и тонкий, как можно было бы предположить по голосу, а крупный и сочный рот. Короче, оторопевшему лётчику она показалась необыкновенной, и он буквально пялил на неё глаза, вместо того, чтобы положить дрова обратно, извиниться, а ещё лучше – сигануть в кусты. Да и сама девушка, сообразив, что обманулась, что это вовсе не тот, о ком она подумала, а какой-то незнакомый военный паренёк, не торопилась нарушить затянувшееся молчание. Лишь тоже вдоволь наглядевшись на него, она, наконец, отступила назад и спросила настороженно-строго:

– Что вы здесь делаете?

Рапохин, уже придя в себя, невесело улыбнулся и ответил покровительственно:

– Да вы не бойтесь.

– Кто вам сказал, что я боюсь? – В голосе девушки прозвучала насмешка.

– Мне показалось...

– Скажите, пожалуйста, показалось. Дрова ворую не я, а вы. Вам и бояться надо. Вы знаете, кто здесь живёт?

– Н-нет.

– Так знайте: командир дивизии.

– Генерал?

– Он самый.

– А вы?

– Его дочь.

– Тогда я пропал, – просто сказал Рапохин и, бросив дрова прямо под ноги, добавил с мрачной решимостью. – Что ж, зовите вашего отца. Зовите! Не

бойтесь, не убегу. Кстати, и познакомлюсь с ним. Будет очень интересно. Генерал всё же, «его превосходительство». Зовите!

Столь поспешное и откровенное признание лётчика, кажется, озадачило девушку. Какое-то время она молча, испытующе глядела на него, потом осторожно спросила:

– А если не позову? Тогда что?

– Тогда я позову его сам, – по-мальчишески зепальчиво вскрикнул Рапохин и торопливо шагнул на крыльцо, сразу на верхнюю ступеньку.

Но девушка не дала ему этого сделать. Удержав его за рукава, она почти попросила:

– Не надо. Право же. Это глупо. Отец – строгий человек. Только наживёте неприятность. Лучше скажите, зачем вам дрова?

– Грешников в аду поджаривать, — с обидой, на которую он сейчас вовсе не имел права, грубо отрезал Рапохин и тут же закусил губу. – Извините, печку топить, конечно. А то совсем продрогли.

– Вы кто?

– Лётчик. На «пешках»* я. Сегодня прилетели. Прямо с боевого задания. А в землянке ни щепки. Закоченели. Вот и пришлось тянуть жребий.

– Жребий?

– Да, короткая спичка досталась мне.

– Это интересно: жребий, короткая спичка...

Девушка заметно оживилась и теперь уже с открытым и вовсе не обидным любопытством разглядывала его и чуть заметно, одними уголками полных влажных губ, улыбалась.

– Как же вы тянули этот жребий? Все сразу?

Рапохин рассказал.

– Это же просто замечательно! А как вас звать?

– Меня? Алексей.

* Так среди лётчиков назывался скоростной пикирующий бомбардировщик «Петляков-2» («Пе-2»).

– Вот как! Моего отца тоже зовут Алексеем... Павловичем, – пооткровенничала она и вдруг, снова взяв его за рукав, решительно подтащила к поленице и приказала: – Подставляйте руки! Да смелее же! Ну! – И не успел Рапохин заупрямиться, как она наложила ему целую охапку дров. – Донесёте?

– Донесу, – несколько опешив от такого оборота дела, выдавил из себя тот. – Здесь недалеко, рядом, – и, даже не поблагодарив её, тут же напрямик припустил к землянке, не разбирая ни луж, ни кустарника. На полдороге он притормозил, снова услышав её нетерпеливый и точно бы капризный голос:

– Если не хватит, приходите ещё. Часового я предупрежу.

«Э-э, так я мог ещё на часового напороться, – с опозданием прозрел он. – Вот была б потеха». – И, переведя дух, с облегчением крикнул:

– Больше не потребуется. Спасибо! – И снова нагнал шагу.

В землянке его встретили так, будто он вернулся не иначе, как с боевого задания:

– Алёша, мы думали, – ты пропал. Без прикрытия ведь ходил. А ты – вот он.

– И без единой пробоины.

– А дровишки – суше некуда. Чисто порох!

Рапохин в ответ лишь как-то ошалело улыбнулся и, с грохотом свалив дрова у печки, не отвечая на расспросы товарищей, с таинственным видом прошествовал через всю землянку в свой угол и сел на койку отдышаться. Серебряков с насмешливой жалостью поглядел на него, притворно вздохнул: укатали, дескать, Сивку крутые горки. Лётчики рассмеялись. Рассмеялся и сам Рапохин. Потом встал, снова оглядел всех по очереди шалым взглядом и только после, всё ещё тяжело дыша, протянул нараспев:

– Кого я встретил, братцы-ы? В жизнь не угадать.

– самого, что ль?

– Не-ет, дочку его.

– Иди ты!

– Правда, братцы, её. – Рапохин подробно рассказал всё, как было.

Лётчики понимающе заулыбались, а Серебряков, играя голосом, переспросил:

– И хороша, говоришь?

– Сказано – королева.

– А что она вообще-то здесь делает?

– В личное дело не заглядывал.

– В штабе, наверное, служит, – высказал предположение Константин Хлопунов, стрелок-радист в экипаже Владова. – Писарчуком или машинисткой.

– Под отцовским крылом, значит, – согласился его командир. – Так службу сломать можно.

– У начальства теперь это в моде. Даже своих жён в штабах пристраивают.

– А может, отец просто для антуражу её за собой по фронту таскает, – многозначительно добавил обычно угрюмый и неразговорчивый Дмитрий Денисов, штурман Рапохина. – Командир дивизии всё же, генерал. В его реглане, слышь, и ходит. А я вот, – добавил он сокрушённо, – порядочных штанов не имею, в чужом комбинезоне летаю.

Денисов говорил правду. Весь свой гардероб ему, как и многим в эскадрилье, пришлось в спешке оставить на одном из западных аэродромов ещё в первые дни войны. Подняли тогда их по тревоге среди ночи.

– В твоих штанах теперь, небось, какой-нибудь фриц щеголяет, – подпустил ему ежа за пазуху Серебряков.

– Да уж, верно, щеголяет, – с мрачной улыбкой согласился тот.

– А правда, ребята, что на днях мы новые машины получаем? – без всякой связи спросил вдруг кто-то из дальнего угла.

– Солдат говорит – приказ будет.

– Ну, это ещё бабушка надвое сказала.

– Тогда что же – в пехоту подаваться? Так там, говорят, нашего брата – пруд пруди.

Рапохин обрадовался, что разговор сам по себе перешёл на другое. Ему было

не по себе, что лётчики слишком уж вольно говорили о девушке, даже унижали её своими догадками и предположениями, хотя никто из них до этого её и в глаза не видывал. Он незаметно снова вернулся на своё место и, достав папироску, принялся неторопливо покуривать.

В печке вскоре ярко запылал огонь, на потолке и стенах заплясали желтоватые блики, и кто-то из ребят уже предлагал «махнуть» по окрестным землянкам в поисках девчат, а Рапохин продолжал сидеть всё так же молча и неподвижно, и лишь время от времени, не выпуская изо рта папироску, грустно и загадочно улыбался. Лишь перед сном, раздеваясь, он недоумённо протянул, и то скорее самому себе, чем Серебрякову, койка которого стояла рядом:

– А ведь я, кажись, финку потерял.

II

Рано утром в землянке появился посыльный из штаба эскадрильи:

– Всем быстро на КП! Боевой вылет!

Лётчики, сопя спросонья, схватились за одежду.

– Опять, значит, натошак, без завтрака, – пританцовывая на одной ноге, а другой норовя нырнуть в галифе, ворчал Серебряков. – Который раз уже так.

– Самолёту легче будет, – невесело отозвался Рапохин. – После позавтракаем.

– Позавтракает, кто вернётся...

С заданием на вылет экипажи знакомил молодежавый, всегда подтянутый начальник штаба капитан Рассадин. В щегольской тёмно-синей шинели, в фуражке без единого пятнышка и до блеска начищенных сапогах он являл собою прямую противоположность застывшей перед ним в неровном строю эскадрилье: в ней не было и двух человек, одетых одинаково. Шинели и куртки, регланы и комбинезоны, а то и просто телогрейки, сапоги кирзовые и кожаные, у кого-то даже ботинки с обмотками, унты с галошами и без галош,

фуражки и шлемофоны, пилотки тёмно-синие и солдатские, цвета хаки, – всё это было богато представлено в ней и делало её такой живописно-пёстрой, что с непривычки рябило в глазах. К тому же люди стояли в строю не по ранжиру, как в пехоте, а позкипажно, где даже самый долговязый стрелок-радист не мог находиться впереди своего низкорослого лётчика, и низкорослый лётчик – замыкать экипаж.

– Итак, товарищи, – громким, сдобренным неизменной улыбкой голосом закончил начальник штаба, – вылет через тридцать минут, – затем, вопросительно взглянув на комэска, добавил уж не так звучно: – Без прикрытия...

Рядом с молодежавым начальником штаба командир эскадрильи выглядел невзрачным и хилым, будто после болезни. Одетый под стать своим «орлам» – в серую, видать, с чужого плеча, шинель и стоптанные сапоги, – он, казалось, чувствовал себя здесь совершенно посторонним, даже лишним, и только когда Рассадин кончил и обернулся к нему с немим вопросом, украдкой подавив зевок, подтвердил равнодушно:

– Да, пойдём без прикрытия...

Строй шевельнулся – его будто качнуло ветром.

Станцию, которую предстояло бомбить, защищали зенитки. Но это было ещё полбеды. Главная опасность заключалась в том; что невдалеке от станции, километрах в двадцати, на левом аэродроме, стоял полк «мессершмиттов», и можно было не сомневаться, что уж они-то не допустят безнаказанной бомбёжки станции, разнесут бомбардировщиков в клочья ещё до подхода к ней. Не зря же зону, в которую входила станция, лётчики с горькой иронией называли «треугольником смерти».

Именно об этом сейчас подумали в экипажах.

Подумал и командир эскадрильи. Но приказ есть приказ, и, чтобы не пускаться в ненужные объяснения, он нетерпеливо дал знак, чтобы люди расходились по самолётам.

III

Бортовые часы на машине Рапохина показывали начало девятого, когда эскадрилья строем «клин», образуя не совсем правильный треугольник – самолёт Власова то и дело приотставал, – вышла на цель. Станция лежала внизу серым грушеобразным пятном. Почти все пути на ней были забиты. Белые паровозные дымки стлались по направлению ветра – на юг, как раз поперёк путей и, казалось, делили станцию на равные части.

Припав к штурвалу, Рапохин держал самолёт строго по флагману – боже упаси сломать строй на боевом курсе! – и с каким-то злым, леденящим душу нетерпением ждал, что вот сейчас, сию минуту, по небу полыхнут зенитки, либо, как снег на голову, свалятся «мессера» – и тогда всему конец. Тогда не будет этого нечеловеческого, до звона в ушах, напряжения, мучительного чувства ожидания, что возрастало с каждым новым оборотом винтов, ни этой нестерпимой рези в глазах, ни заунывного, как панихида, гула моторов. Не будет ничего! Но проходила секунда, другая, а зенитки молчали, «мессера» не появлялись, и Рапохин по-прежнему видел вокруг лишь чистое, без единого облака, небо, двурогий стабилизатор впереди идущего самолёта, осколок ржавого солнца на нём, а внизу, под крылом, дымившуюся землю...

Зенитки заговорили лишь тогда, когда на станцию легли первые бомбы, на путях вздулись, как после камня, брошенного в воду, огромные пузыри – командир предусмотрительно вывел свою «семёрку» на цель ломаным маршрутом, как раз со стороны солнца, и это сделало её на первых порах с земли невидимой.

Первый же разорвавшийся снаряд вернул Рапохину утраченное было чувство реальности, словно его взрывная волна, что слегка накренила самолёт, мгновенно смыла за борт оцепенение и апатию, толкнула кровь к вискам, осветлила взгляд всегда тёмных, глибо-

ко запавших глаз. Убрав крен, он зубами сорвал с рук перчатку и глянул под крыло. Зенитки взлаивали нечасто и вразной, потом перешли на скороговорку: их желтоватые бельма мигали невдалеке от станции, на вершине безлесой сопки.

«Теперь не перестанут, пока стволы не покраснеют, – подумал он. – А у наших так каждый снаряд на счету».

Но зенитки, подвесив в небе, как на гвозди, не больше двух десятков шапок, вдруг, словно подавившись чем-то, смолкли. Рапохин тронул штурмана за колено: теперь гляди в оба, смолкли неспроста, значит, где-то на подходе «мессера», в своих-то попасть бояться. Жди, припожалуют вскорости.

И верно, едва штурман успел закрыть опустевшие бомболюки – самолёт сразу же легонько подкинуло вверх, – как в наушниках раздался тревожный голос стрелка-радиста:

– Истребители!..

Рёв моторов тут же оборвался, точно им сунули в глотки по кляпу: сухой треск пулёмётных очередей мгновенно заглушил все царствовавшие до этого звуки. Непорочную синь неба вспороли огненные, по-ужиному извивающиеся трассы. Рапохин увидел их и справа, и слева от себя: казалось, неопытная кружевница и вкривь, и вкось делала на небе один стежок за другим, и на какой-то миг он даже ими залюбовался. Но лишь на миг, так как через секунду взгляд его помрачнел пуще прежнего, припухшие веки полумесяцем легли на потемневшие и будто стылые на ощупь глаза – шедший чуть впереди слева самолёт Серебрякова вдруг вспыхнул таким ослепительно-ярким пламенем, что он втянул голову в плечи, точно оно могло достать его взметнувшимся по-лисьи пушистым хвостом. Ему почудилось даже, что от пламени в кабине стало жарко, рога штурвала накалились докрасна.

...Самолёт Серебрякова какое-то время шёл прямо и вровень со всеми, потом начал терять скорость, приотставать, а когда Рапохин снова заставил

себя посмотреть в его сторону, он уже лежал на левой плоскости и медленно скользил вниз, как раз на круглое, как блюдце, озерко. Почти у самого озера встречный поток воздуха вырвал из его хвоста несколько рыжих ключев, которые, повисев немного, один за другим погасли.

А «мессершмитты», дав эскадрилье крохотную, чтоб опомниться, передышку – Рапохину её хватило лишь на то, чтобы облизнуть ставшие нестерпимо сухими губы, – уже заходили на новую атаку, только теперь не с хвоста, а сбоку, справа, почти под углом в девяносто градусов, неожиданно вынырнув там по-щучьи резво и игриво, будто из глубины за мелкой рыбёшкой. Качнув крылами и показав бледную чешую животов, они сразу же нацелились на флагмана и пошли на сближение. На этот раз Рапохин их видел хорошо, как на ладони. Ему особенно бросился в глаза ведущий первой пары. Насилуя мотор, он заметно опередил ведомого, приближался настолько быстро, что буквально распухал на глазах и впрямь походил на щуку, заглотнувшую добычу – не хватало только ощеренной пасти. Рапохин внутренне подобрался, но страха не почувствовал, только злость. Правда, ощущение одиночества и какой-то тошноты всё же было, но не они сейчас заставляли его почти вплотную прижиматься к флагману, едва не рубить винтами его стабилизатор и косо прицеливаться к ручке аварийного сброса фонаря кабины, раздражающе красневшей справа. Всё это он делал скорее подсознательно, автоматически, по давно выработавшейся привычке, чем из чувства страха...

Огонь «мессершмитт» открыл не сразу, а лишь после того, как убрал небольшой крен, видимо, мешавший ему прицелиться поточнее. Его длиннейшая, как вопль, очередь едва не опоясала всё небо. И снова в эскадрилье вспыхнул факел, уже справа от Рапохина, снова, роняя искры, кровотока огнём, к земле понёсся – уже второй по счёту – бомбардировщик. Рапохин даже

не сразу сообразил, чей, и только когда эскадрилья заново сомкнула строй, понял – Фёдора Власова, у которого это был первый вылет.

Первый и последний!

Но и «мессершмитт» поплатился за это: не прекращая стрельбы, он сперва вдруг клюнул носом, потом отвесно, как сорвавшаяся с крючка рыба, нырнул куда-то под брюхо эскадрилье и там пропал. После, уже на аэродроме, один из стрелков-радиостов божился, что видел, как «мессершмитт» дымил, но врезался ли он горящим в землю или ему всё же удалось погасить пламя, точно сказать не мог.

Не видел этого и Рапохин. Взгляд его уже накрепко приковал второй истребитель. Огонь открывать он не спешил тоже, хотел, как и первый, ударить в упор, наверняка, даже шёл словно бы по его дымному следу, только без крена. Рапохин успел подумать – и у этого не сорвётся, злющий – и, глотнув слюну, с тоской глянул в сторону штурмана. Краешком глаза увидел: штурман сросся с пулемётом, плечи его, в серых лямках парашюта, мелко вздрагивали. Где-то там, в хвосте, бился в ознобе и пулемёт стрелка-радииста. И снова – кусок схваченного за горло неба, игривый луч на кабине флагмана, рой огненных, в конвульсиях, ос... А «мессершмитт» уже совсем рядом, можно, кажется, рукой достать, сейчас, вот-вот, сию минуту, прошьёт насквозь либо винтом изрубит на куски. Но не прошил. И не изрубил. Выпустив лишь короткую, тут же смятую встречным огнём, очередь, он вдруг, отфыркнувшись дымком мотора, круто, боевым разворотом отвалил далеко в сторону. Вслед за ним даже не попытавшись атаковать, отвалила и вторая, шедшая следом, пара.

Итак – больше не вышло.

Рапохин разжал онемевшие губы. Нижняя оказалась прикушенной.

IV

Зарулив на стоянку, Рапохин из кабины вылез не сразу: не хотелось от-

стёгивать привязные ремни, отключать шлемофон, протискиваться с парашютом через неудобный узкий люк. Откинувшись на бронеспинку, он зажмурил глаза. В кабине тоненько, на разные голоса, жужжали приборы, и это немножко успокаивало. Техник самолёта несколько раз вопросительно задира л на него голову, но явно торопить не решался, ходил вокруг да около осторожно, едва ли не на цыпочках и точно побитый. Лишь когда к самолёту подкатил бензозаправщик, он раза два напоминаяще кашлянул. Рапохин встрепенулся, выбрался из кабины. Кто-то из мотористов тут же сунул ему в рот папироску, другой поднёс зажжённую спичку, третий услужливо снял парашют.

Время было завтракать, но в столовую он не пошёл, направился прямо в землянку. И каково же было его удивление, когда, не дойдя до неё, на тропинке, что сворачивала к штабу, он снова увидел свою вчерашнюю знакомую – дочь командира дивизии. Она явно поджидала его, и Рапохин смутился, не зная, что сулит ему эта встреча. Во всяком случае, сейчас её он с радостью бы избежал. Не до того. И, принудив себя улыбнуться, он хотел пройти мимо, но она удержала его:

– А вы не очень-то любезны, Алексей. Добрый день! Вчерашний голос – такой же звонкий и чуточку нетерпеливый. Пришлось остановиться.

– Здравствуйте, рад вас видеть!

– Ну, судя по вашему виду, едва ли, – рассмеялась она, окинув его с головы до ног снисходительно-насмешливым взглядом.

Глаза у неё были вовсе не голубые, как ему показалось вчера, а удивительно синие, цвета спелого василька и такие родниково-чистые, что хоть смотришь. И Рапохин, сам того не замечая, в упор глядел в эти глаза, как в зеркало, даже не соображая, что надо что-нибудь ответить.

– Вы, верно, угорели вечера? Рано трубу закрыли?

Явная насмешка, намёк на вчераш-

нее, а он опять ни слова, будто это не ему.

В синих глазах девушки вспыхнуло недоумение: стесняется либо в самом деле угорел. А может, из породы молчунов?

– Я ведь вас ещё утром хотела видеть, – после недолгого молчание снова заговорила она, но уже сдержаннее, суше. – Мне думается, эта вещь принадлежит вам, – и протянула ему финский нож с наборной рукояткой в кожаных ножнах. – Сегодня утром возле поленицы его нашёл ординарец Прокопий Иванович и передал отцу. Смотрите, на нём инициалы – «А. Р.» Ваш?

– Мой, – признался Рапохин.

– Я так и думала. Тогда благодарите. Кстати, меня зовут Наташей. Благодарите же!

– Спасибо, Наташа!

– Так-то. Ведь отец никак не хотел отдать его мне. Он большой любитель холодного оружия. И знаток. У него целая коллекция. Есть даже мачете, наваха и боевой индейский топор. Он и ваш нож хотел к ней приобщить. Еле выпросила. Заупрямился – и ни в какую. А нож у вас и в самом деле замечательный, – похвалила она.

– Неплохой, – вынув его из ножен, согласился Рапохин и вдруг, устремив на девушку изменившийся взор, только сейчас, с опозданием, сообразил, что ведь это не кто иной, как её отец, отказал сегодня эскадрилье в прикрытии, послал её на задание одну-единёшеньку. Знал, что из «треугольника смерти» многие не возвращаются, а истребителей для сопровождения – хотя бы парочку – не дал, и вот двух экипажей как не бывало. А он, «его превосходительство», поди, и в ус не дует, знай себе холодное оружие коллекционирует. И от этой внезапной мысли Рапохин даже изменился в лице: оно у него вмиг посерело, приобрело какой-то землистый оттенок, стало ещё более некрасивым.

В синих глазах девушки снова вспыхнуло изумление:

– Вам, видимо, и в самом деле нездоровится?

V

– Ерунда. Просто голова побаливает, – ответил он внешне спокойно, а про себя подумал с растушей обидой: «На гибель ведь послал, на смерть. Пары истребителей пожалел. Вот тебе и папаша. А она ещё смеивается, ей хоть бы что, – обожгла новая мысль. – Тоже, наверное, хороша». И вслед за обидой к лётчику вдруг пришло ещё и горькое, как полынь, чувство, что он только что, вот здесь, на этой самой тропинке, под этой вот высокой и стройной, но равнодушной, как осеннее небо, сосной, потерял что-то, обманулся в чём-то дорогом и сокровенном, лишился веры в то, во что так хотелось верить. Перед ним стояла, участливо глядя на него, встревоженная милостивая девушка, а он видел в ней чуть ли не виновника всех бед в эскадрилье, едва ли не кровного врага своего. И боясь, что не сдержится, сейчас наговорит ей бог знает что, огромным усилием воли заставил себя принять равнодушный вид и спросил намеренно учтиво:

– Я вам больше не нужен?

Крутые и необычно длинные, почти до висков, брови девушки взметнулись вверх и тут же опустились вниз.

– Да, не нужны. Идите. – И, резко повернувшись, она первой зашагала прочь.

На тропинке, ведущей к штабу, от вчерашнего дождя остались лужи, и Рапохин видел, как она неуклюже перепрыгивала через них, хватаясь руками за ветки деревьев, чтоб не поскользнуться. Перед поворотом возле особенно большой лужи она всё же не утерпела, обернулась, сложила ладони рупором и, уже без малейшей обиды в голосе, крикнула:

– Забыла спросить: как в землянке, тепло?

Рапохин помолчал, потом, не выдержав, вдруг улыбнулся и ответил шуточно:

– Ташкент! Тропики!

На другой день, после обеда – с утра почти непрерывно шёл дождь со снегом – эскадрилья повторила налёт на станцию. И снова без прикрытия, снова потеряла экипаж. Вернувшись с задания лётчики настолько приуныли, что даже не поругивали, как водится в таких случаях, штабное начальство, а лишь горько иронизировали: ещё два-три таких вылета, и от эскадрильи останутся рожки да ножки.

Лишь Рапохин попробовал было кинуть камушек в огород командира дивизии, но комэск тут же осадил его:

– Поберегите нервы. Они ещё пригодятся.

И Рапохин, проглотив обиду, смолк, больше не проронил ни слова. Придя в землянку, не раздеваясь, лишь скинув сапоги и шлемофон, он грохнулся на койку так, что она под ним прогнулась едва ли не до пола. Лежал так долго, не двигаясь. Мыслей не было. Желаний тоже, разве что раздавить вдруг появившегося из щели на стене клопа. Клоп был худой, полупрозрачный, как слюда, – давно, видать, не нажирался вдоволь – и еле волочил ноги. Сделав нечто вроде «коробочки» вокруг своего «капонира», он взял курс точно к изголовью Рапохина, но, встретив на пути широкий паз, переложил руль влево, как раз к пустовавшей койке Серебрякова. Ещё не поздно протянуть руку – и клопу конец, но Рапохин не шевельнулся, и клоп преспокойно пополз дальше, пока не пропал где-то в живописном лабиринте щелей.

Простуженно, с тягучим кашлем, проголосила дверь – в землянку вернулись остальные лётчики, те, что помогли техникам латать дырки на самолётах – сувениры о недавней встрече с «мессершмиттами». Рапохин и тут головы не повернул, хотя в другое время спросил бы, много ли оказалось пробоин. Промолчали и пришедшие. Раздевались и ходили они тихо, стараясь не наступать на скрипучие половицы, переговаривались меж собой неохотно,

шёпотом, точно в землянке лежал тяжелобольной или покойник. Лишь кто-то из штурманов, кажется, Дмитрий Денисов, басовито осведомился, не найдётся ли у кого бутылки водки либо, на худой конец, самогонки, но, не получив ответа, тоже притих в своём углу, как мышь в норе.

На стене снова появился клоп, уже по другую сторону паза.

«Перебрался-таки, – как старому знакомому, впервые после вылета, улыбнулся Рапохин. – Вот стерва! С характером». – И, продолжая наблюдать за его ломаным маршрутом, незаметно для себя уснул.

Проснулся он поздно, когда было уже темно, Голова болеть перестала. Захотелось курить. Он потянулся к стоявшей рядом табуретке за портсигаром, но рука попала во что-то липкое. Он брезгливо отдернул её, вытер об одеяло и, нащупав коробок, чиркнул спичкой. На табуретке стоял ужин. Оказывается, Рапохин без просыпу проспал восемь часов, во сне стонал, метался, и будить его пожалели. Ужин принёс Денисов. Его лёгкое посапывание он сейчас слышал из-за фанерной перегородки, где тот обосновался с командиром звена и стрелком-радистом. Свесив ноги с койки, Рапохин взял с табуретки ломтик хлеба, съел его и тут же почувствовал, как от голода свело скулы. Через минуту он съел остальное, даже не разобрав толком, что именно. Сунув порожние тарелки под койку (чтоб утром не мозолили глаза лётчикам), он, впотьмах дошёл к баку с питьевой водой и с наслаждением выпил подряд две кружки. Затем, всё так же ошупью, вернулся к койке, натянул на босую ногу сапоги и тихонько вышел из землянки.

И надо ж такому случиться: снова повстречался с дочерью командира дивизии Наташей. Несмотря на темень, он узнал её сразу – и по лёгкой, точно бы скользящей походке, и характерному наклону головы, хотя на этот раз она была не в берете, а в лётном меховом шлеме. Наташа проходила мимо в сопровождении высокого, прихрамываю-

щего мужчины в комбинезоне и тоже узнала его.

– Уж вы не за дровами ли опять? – вместо приветствия съязвила она: пусть, дескать, наперёд знает, как обращаться с девушками. Да, видно, пожалев о сказанном, тут же добавила дружелюбно: – Это, Алексей, мой штурман. Познакомьтесь.

Рапохин только сейчас разглядел, что на ремне у Наташи, поверх реглана, был приторочен пистолет, а с левого плеча свисал планшет с картой – неотъемлемые атрибуты тех, кто непосредственно имеет дело с воздухом.

– Так вы тоже летаете? – изумлённо протянул он.

– Да, в ночном бомбардировочном полку. На «По-2».

– Вот бы не подумал!

– Почему! Я ведь как раз в начале войны окончила аэроклуб. Ну, и попросилась на фронт, к отцу в дивизию. Как видите, просьбу удовлетворили.

– Даже не верится, – продолжал изумляться Рапохин. – Мы думали, вы машинисткой в штабе служите. Вольнонаёмной. С отцом к тому же вместе живёте.

– Это мне командир полка разрешил с отцом жить. Он очень симпатичный человек, наш командир полка.

«Попробовал бы он отказать», – мысленно усмехнулся Рапохин, а вслух проговорил:

– Вот ребята удивятся, когда узнают, что вы тоже летаете.

– Разве они меня знают?

– Как же. Я рассказал. За дрова уж очень вас благодарят, – приврал он, но почувствовав, что краснеет, тут же свернул на другое. – И часто летать приходится?

– Почти каждый день, вернее – ночь. Иногда по несколько раз.

– Потери как? Большие?

– По правде говоря, не очень. Темнота спасает. А у вас, я слышала, сегодня опять одного сбили.

– Да, а вчера двоих, – подтвердил он уныло. – Без прикрытия ходим, – и Рапохин хотел было пооткровенничать,

что это командир дивизии отказывает в ястребках, но то ли погрузневший взгляд девушки, то ли присутствие её штурмана, а быть может, обычная деликатность удержали его от этого. Неловко кашлянув в ладошку, он только спросил тихонько, почти шёпотом: – Значит, на бомбёжку сейчас?

– Нет. Сегодня задание особое: вывозить раненых из окружения. С посадкой в тылу.

– Тогда не буду вас задерживать.

– Да, нам пора.

– Ни пуха, ни пера!

– А вам – мягкой посадки на постель.

В землянке он долго не мог отыскать свою койку, а когда отыскал и разделся, со стороны лётного поля уже донёсся приглушенный расстоянием мягкий рокот моторов – ночные бомбардировщики, видимо, вырливали на старт. На одном из них он представил себе Наташу – в наглухо застёгнутом шлеме, в релгане с поднятым воротником и полосками привязных ремней на плечах...

«Чудно! – улыбнулся он и тут же, как человек с нечистой совестью, упрекнул себя за то, что не предложил ей вчера оставить финку у себя. Ведь она так ею восхищалась. – Ну, да ладно. Ещё не поздно. Предложу завтра».

С этой мыслью он нашарил под койкой тарелку, энергично вдавил в неё окурок и влез под одеяло.

VI

Подарить Наташе финку Рапохину не довелось – в ту же ночь Наташа погибла.

Об этом он узнал от её штурмана, которого утром встретил по дороге на стоянку – эскадрилье снова предстояло идти на бомбёжку в район «треугольника смерти».

Вот как это произошло.

Полёт в расположение наших окружённых войск Наташа совершила довольно спокойно, если не считать, что при переходе линии фронта её самолёт бегло обстреляли зенитки. Благополуч-

но возвратились и остальные экипажи. Словом, задание было выполнено успешно, без потерь, и лётчики собирались уже разойтись по землянкам на отдых, как из штаба дивизии поступил новый приказ: в тот же район срочно сбросить на парашютах специальный груз, который только что доставили на аэродром люди в штатской одежде. Близился рассвет, и командир полка, чтобы не употреблять власть, кликнул охотников. Их оказалось шестеро, в том числе и Наташа со своим штурманом. Для доставки же груза достаточно было одного самолёта, и командир на миг задумался, на ком остановить выбор. Вот тогда-то Наташа и предложила тянуть жребий: кому достанется короткая спичка, тот и полетит. Командир сперва назвал это ребячьей затеей, потом махнул рукой: валяйте, дескать, тяните, только побыстрее.

Короткая спичка досталась Наташе.

Во время полёта она, как всегда, была собрана и молчалива, со штурманом объяснялась больше знаками, чем словами. Несмотря на темень и низкую облачность, цель они отыскивали легко, груз сбросили удачно, в точно обозначенный кострадами квадрат. Помахав на прощанье крыльями метавшимся на земле в свете огня человеческим теням, повернули обратно. На обратном пути Наташу словно подменили. Она стала необычно возбуждена, часто оборачивалась к штурману, озорно улыбалась ему, даже пробовала что-то по-мальчишески насвистывать.

Перед линией фронта, когда небо на востоке начала размывать бледная полынья восхода, тёмное, как вывороченная шуба, облако заставило их свернуть с курса, взять немножко левее. Вот тут-то их и обстреляли с земли из пулемётов. Наташа это увидела первой и, отвалив в сторонку, погрозила кулаком остроконечным елям – это от них взбежали в небо огненные змейки. Вскоре такие же змейки появились с другого борта, и одна из них как раз и ужалила Наташу. Штурман догадался об этом не сразу. Сперва ему показалось, что На-

таша просто склонилась над приборной доской, либо над картой, и лишь когда она снова выпрямилась, с усилием повернула к нему враз побледневшее, без единой кровинушки, стянутое шлемом лицо и что-то прошептала, понял – за дело крепко. Потом, через секунду, Наташа замерла вовсе, голова её безжизненно свесилась за борт. Самолёт тут же завалило в крен, начала гаснуть скорость, и штурману пришлось взяться за второе управление и вести самолёт до аэродрома самому.

– Когда я сел, она была уже мертва, – закончил он свой невесёлый рассказ.

Рапохин долго и тяжело молчал. Потом спросил одними губами:

– Где она сейчас?

– У отца. Привезли прямо туда. Пока гроб делают. Потом перевезут в клуб.

Рапохин взглянул на часы, затем – на небо.

Небо над аэродромом, не в пример ночному, было почти чистым, поосеннему прозрачно-синим. Эту синеву особенно подчёркивала правившая на юг дружная стайка белых кучевых облаков. Облако в середине было больше других и своей пышной грудью с тёмным ожерельем напоминало лебедя, плывущего в окружении только что вылупившихся из яиц лебедят.

– Я хочу её видеть, – не отрывая глаз от облаков, вдруг негромко проговорил Рапохин.

– Вряд ли это сейчас удобно, – деликатно заметил штурман. – Я только что оттуда. Там её отец. Ему, конечно, хочется побыть одному. Стоит ли его тревожить?

Рапохин ещё раз взглянул на часы:

– Я должен её видеть,

Когда он, довольно бесцеремонно оттерев в сторону преградившего ему путь ординарца, вошёл в первую комнату Наташиного жилья, командир дивизии, рослый худой старик с бритым затылком, стоял спиной к двери и кому-то вполголоса жёстко говорил:

– Нет. Не могу. Даже звена. В истребительном полку лишь десять машин.

Десять. Так и передайте: пойдут без прикрытия. Всё.

Рапохин понял: разговор шёл об их эскадрильи, в истребителях сопровождения им снова отказано, снова, значит, будут и зенитки, и «мессера», и горящие факелом «пешки», но ничего, кроме сострадания и жалости к человеку, отдавшему сейчас этот безжалостный приказ, не почувствовал. Во властном и непреклонном генерале он видел теперь лишь отца Наташи, не больше...

Положив трубку на рычаг, генерал хотел было проследовать в соседнюю комнату, где, как догадывался Рапохин, находилось тело Наташи, но увидев застывшего в смиренной позе незнакомого молодого лётчика, остановился, удивлённо – точь-в-точь как Наташа – вскинул левую бровь.

– Мне надо её обязательно повидать, – предупредив его вопрос, почтиительно, но твёрдо заявил Рапохин.

Левая бровь командира дивизии приподнялась ещё выше, острые холодные глаза задымились сдерживаемым гневом.

– Вы это могли бы сделать потом, – непреклонным, каким обычно отдают команды, тоном отрезал он, давая этим понять, что незванный пришелец может убираться прочь. – И не здесь, – добавил он, метнув не менее суровый взгляд на высунувшегося из-за двери растерянного ординарца.

Но в Рапохина точно бес вселился: он решил идти напролом.

– Вы же военный человек, генерал. Через полчаса у меня вылет...

Что-то дрогнуло в лице этого сурового и, видимо, беспощадного человека, по нему точно бы пробежала судорога. Быть может, в этот миг он представил себе свою дочь, вот так же торопящуюся на вылет, чтобы из него больше никогда не вернуться, или вспомнил минуту назад отданный им по телефону приказ, заведомо зная, что выполнение его вряд ли обойдётся без крови, или, может, просто своей необычной напористостью Рапохин напомнил ему,

что перед горем и смертью все равны, перед ними нет начальников и подчинённых, солдат и генералов, что чины и званья тут ни при чём. Прикрыв глаза желтоватой ладонью, комдив с минуту стоял, как бы силясь вспомнить что-то, потом, ещё раз бесцеремонно оглядев лётчика с головы до ног (Рапохин готов был поклясться, что на какую-то долю секунды взгляд его задержался на финке), тихо, но тем же жёстким голосом спросил:

– Вы её знали?

– Я её любил, генерал.

Когда Рапохин вскоре выходил из дома, оставив в изголовье у Наташи,

как последнее «прости», финский нож с наборной рукояткой, комдив придержал его за локоть и голосом, вовсе не свойственным ему, проговорил негромко:

– Вы знаете, лейтенант, а ведь второй раз она могла б и не лететь...

Подобная откровенность человека, изо дня в день хладнокровно, казалось, посылавшего полки и эскадрильи на смерть, изумила бы каждого, но только не Рапохина.

– Знаю, генерал, – ответил он. – Короткая спичка. – И, одним махом сбегав с крыльца, торопливо зашагал на стоянку самолётов, на которой уже всю надрывались моторы.

Такие писатели не умирают

вместо послесловия

Юрий Белостоцкий в годы Великой Отечественной войны в составе 7-й воздушной армии участвовал в боях на Северо-Западном и Карельском фронтах, за мужество и отвагу награждён орденами и медалями. Он летал на пикирующем бомбардировщике «Пе-2», который в войсках прозвали «пешками» и который, как известно, производился в Казани.

Ветеран войны рассказывал мне: «Когда подходил к самолёту для боевого вылета, всегда здоровался со своим двухмоторным другом и говорил: «Ну, казанец, не подведи!» Как знать, может, «казанец», который не подвёл, в итоге и позвал его на свою родину – в Казань. Подсознательно, по доброй памяти, так сказать. Что скитаться-то демобилизованному фронтовику по городам и весям страны!

Память о казанской «пешке» у Юрия Вячеславовича была и в самом деле добрая. И повоевал на этом штурмовике, и жив остался. Самолёт ведь для лётчиков той войны был вообще существом одушевлённым, настоящим боевым другом...

А вражеские истребители – заклятыми врагами. И тоже очень даже живыми. «Мессершмитты» заходили на новую атаку... Почти под углом девяносто градусов неожиданно вынырнув... по-щучьи резво и игриво,